



Библиографический список:

1. Мак-Ким Д. К. Вестминстерский словарь теологических терминов. М. : Республика. 2004. 504 с.
2. Отто Р. Священное. Об иррациональном в идее божественного и его соотношении с рациональным. СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та. 2008. 270 с.
3. Элиаде М. Священное и мирское. М. : Изд-во Московского ун-та. 1994. 142 с.
4. Versluis A. Magic and Mysticism: An Introduction to Western Esoteric Traditions. Lanham : Rowman & Littlefield Publishers. 2007. 208 p.

Шульга Д. П.

К ВОПРОСУ О РАСПРОСТРАНЕНИИ РЕЛИГИЙ СПАСЕНИЯ ПО ШЕЛКОВОМУ ПУТИ

Аннотация. В настоящем исследовании автор коротко рассматривает особенности проникновения в Китай нескольких религий спасения – манихейства, несторианства и буддизма. Их судьба в Поднебесной сложилась очень различно, однако все они распространялись по Шелковому пути.

Ключевые слова: религии спасения, Шелковый путь, буддийские гrotы, империя Тан.

В китайской раннесредневековой действительности существовало такое понятие как «Три иноземных учения» (буддизм, несторианство и манихейство). Иероглифически это записывается как «三夷教», где первый иероглиф означает «три», а последний – «учение». Второй же знак куда менее однозначен. Он исторически обозначал иностранца, однако в период как минимум до III в. н. э. обозначал выходца с востока. Доказательство тому мы видим в приписываемом Чжугэ Ляну (181–234 гг.) трактате «Вертоград полководца»: «Особенности восточных [народов]: пренебрежение ритуалами, отсутствие добродетелей и воинственность. Они скоры на расправу. Проживая рядом с горами и морями, они используют этот рельеф для обороны. Внутри их страны царит мир и согласие. Простой народ живет в благоденствии, поэтому они никогда не замышляют нападений. Если среди знати происходит мятеж, то среди простого народа начинают появляться сепаратистские настроения. В такой ситуации можно начинать заниматься подрывной деятельностью, что приведет их к расколу. А потом использовать гуманность и добродетель для привлечения их на свою сторону, или же напасть на них с мощной армией, что непременно приведет к победе» [1, с. 118]. К эпохам Суй и Тан, очевидно, термин уже применялся к иноземцам вообще, в том числе, и к западным соседям.

Одним из главных контрагентов Китая на Шелковом пути были государства Ирана. От эпохи Южных и северных династий (420–589 гг.) до эпохи Тан Китай на западном направлении активно сотрудничал со средневековой Персией Сасанидов. Помимо политических взаимоотношений, существовал также интенсивный культурно-экономический обмен. Вместе с золотом, серебром и иными материальными ценностями распространялась и духовная культура. Несторианство и манихейство попали в Китай из Ирана. Персы, которые пришли в Китай, были нередко послами или представителями региональной знати, что доказывают многоязычные эпитафии [2, с. 47]. Также значительное количество выходцев из Средней и Передней Азии составляли ираноязычные торговцы (в т.ч. согдийцы), социальный статус которых был не так высок. Многие из них принимали одну из религий спасения для компенсации своего общественного положения и разносили учение по всему Шелковому пути [5]. Стоит учитывать также, что после арабских завоеваний некоторые персы (зороастрийцы, манихеи и несториане) бежали в Китай. «Три иноземных религии» прошли достаточно прихотливый путь на китайской земле. В связи с этому исследователей встает целый ряд вопросов. Например, смешение образа Будды и Бога в глазах китайцев, даосско-буддийский синкретизм и подлинность несторианской литературы Дуньхуана [3, с. 137].

Проникший в Китай еще до нашей эры буддизм сильно примешивался в учения, проникшие позднее. В начале XX в. в Дуньхуане были обнаружены манихейские тексты эпохи Тан, они были полны буддийских терминов и понятий. Очевидно, что до попадания в Китай учение Мани испытало некоторые влияния в Центральной Азии, в чем-то отойдя от изначальной традиции. Также можно предположить, что переводя свои трактаты на китайский язык, миссионеры брали термины из наиболее близкой традиции, коей и был буддизм. Ко времени династии Мин манихейство становится все более «китайским» и приобретает местный колорит, включая, например, в ряды пророков Конфуция. Такое положение было неизбежным, ведь время от времени императоры начинали борьбу с иноземными религиями. Наиболее сильный удар манихеи получили в 732 г., когда им запретили проповедь. В то же время, гонения не были вечными. Стоило разгореться гражданской войне – и эсхатологические мотивы обретали много приверженцев, что доказало восстания Ань Лушаня (755–763 гг.). Наследник последнего, Ши Чао, предпринял действия, которые в итоге привели к вторжению кочевых уйгуров-манихеев. Естественно, чувствующее военное превосходство номады поддерживали распространение своей веры в Поднебесной. Итогом стало создание храмов в Сиане, а также в Цзинчжоу, Янчжоу, Хунчжоу, Юэчжоу и других центрах были построены храмы, именуемые по-китайски Даюньгуанмин (大云光明, можно перевести как «великий свет среди облаков»). Около 70 лет продлилось благоденствия манихеев в Китае, однако с 843 г. декреты усилившейся центральной власти вновь запретили проповедь учения Мани [4, с. 10–13]. После этого разрозненные общины (часть – в Южном Китае) все более китаизировались и смешивались с буддистами (в меньшей степени – с даосами), пока к началу XVI в. не исчезли вовсе.

Если манихейство и несторианство были скорее эпизодами религиозной истории Китая, в то время как буддизм играет свою роль и ныне. Учение Будды в Китае напрямую связано с деятельностью Шелкового пути. Именно вдоль этой торговой артерии расположены наиболее яркие памятники, дающие источники для изучения. Большинство из них расположены в засушливых и полусухих районах с высокой солнечной активностью и интенсивным испарением, большим перепадом ночных и дневных температур. Из-за сильных ветров здесь нередки пыльные бури. Большинство скал, в которых помещались пещерные храмы, состоят из песчаника и глинистых минералов, таких как монтмориллонит. Эти материалы пористые и рыхлые, так что скала восприимчива к воздействию воды. Яркий пример – Кумтурские пещеры Тысячи Будд, расположенные в 25 км к западу от г. Куче в Синьцзян-Уйгурском автономном округе. Этот важный участок вдоль древнего Шелкового пути населялся жителями местного государства Цюцзю, тюрками, ханьцами, уйгурами, турфанцами в течение шестисот лет, (V–XI вв. н.э.). Самый старый из 112 оставшихся пещерных храмов был создан как раз в V в. н.э. Пещеры Кумтура содержат множество уникальных предметов искусства и архитектуры, включая надписи Цюцзю, ханьцев и уйгуров, которые служат источником информации об истории Центральной Азии. Пещеры имеют большое международное значение из-за смешения восточных и западных культурных традиций, а также из-за их исключительной исторической, научной и художественной ценности. Памятник был сильно поврежден во время распространения ислама в Центральной Азии в девятом веке. Кочевники и путешественники, использующие пещеры как временные жилища, также способствовали значительным разрушениям. В 1970-х гг. плотина гидроэлектростанции в низовьях реки Музат, протекающей перед пещерами, существенно повысила уровень реки, вызывая дальнейшее разрушение пещер и настенных росписей. Сегодня угроза землетрясений, наводнений, эрозии, чрезмерной влажности и трещин в скале все еще существует. К сожалению, эти проблемы до сих пор не поддаются эффективному контролю, и существует реальный шанс, что пещеры Кумтура исчезнут полностью [6, с. 35–40].

Таким образом, мы видим, что при несомненной схожести проникновения «Три иноземных учения» Шелкового пути встретили различный прием в Китае. Тем не менее, материальные следы несторианства, манихейства и буддизма обогатили культурную сокровищницу Поднебесной.

Библиографический список:

1. Шульга Д. П., Мерзликин А. А. «Вертоград полководца» Чжугэ Ляна на стыке дисциплин. Новосибирск : Омега-принт. 2016. 147 с.
2. Шульга Д. П. Социокультурная среда бытования раннесредневековых согдийских торговцев в северо-западном Китае (по материалам гробницы Кан Е) // Вестник Краснодарского государственного института культуры. 2018. № 1(14). С. 46–53.
3. Ли Цзюцзюнь. Рецензия на книгу господина Жун Синьцзяна «Культурный обмен Востока и Запада по Шелковому пути» [李宗俊. 荣新江先生《丝绸之路与东西文化交流》评介 // 西域研究 2016 年第2期] // Изучение западного края (Сиюйяньцзю). 2016. № 2. С. 135–139.
4. Ли Цзюцзюнь. Светлое учение: подъем манихейства в Китае [李宗俊. 明教: 扎根中国的摩尼教 // 寻根 2006 年第1期] // Поиск исторических корней (Сюньгэнь). 2006. №1. С. 10–14.
5. Gordy J. Nestorian «merchant missionaries» – A model for Christian Chinese migrants. URL: <http://www.scielo.org.za/pdf/ids/v49n1/19.pdf> (дата обращения: 20.08.2018)

Шульга Д. П., Шульга А. А.

РЕЛИГИОЗНЫЕ МОТИВЫ НА ПЕТРОГЛИФАХ ГУЙГУ (ВНУТРЕННЯЯ МОНГОЛИЯ)

Аннотация. В настоящем исследовании автор использует слабо известные русскоязычным исследователям материалы наскальных рисунков памятника Гуйгу в городском округе Баян-Нур (Внутренняя Монголия, КНР). Мы рассмотрим антропоморфные и зооморфные изображения «духов» как источник для изучения духовной жизни древнего населения данного региона.

Ключевые слова: древние религии, наскальные рисунки, Северный Китай, Внутренняя Монголия.

Исследование верований древних бесписьменных народов – задача, сложность которой в первую очередь связана с фрагментарностью источниковой базы. К счастью, нередко исследователи открывают новые археологические объекты, которые способны пролить свет на ритуальные практики, представления об облике духов и иные аспекты мировоззрения. Особенно интересно, когда подобные объекты обнаруживаются в зоне соприкосновения различных культур, как например, на территории нынешнего Автономного района Внутренняя Монголия (АРВМ).

В начале 2004 г. пограничники, дислоцированные в городском округе Баян-Нур, нашли скопление наскальных рисунков в северо-западной части сомона Баинхангай (хошун Урдын-Дунд, Внутренняя Монголия). Военнослужащие сразу же сообщили об этом в соответствующие ведомства. Управление культуры Внутренней Монголии после получения доклада, 11 февраля 2004 г. составило план обследования с привлечением научных учреждений и административных органов. Итогом всего вышесказанного стало полевое обследование петроглифов Гуйгу.

Наскальные рисунки долины Гуйгу расположены примерно в 698 км к югу от границы между Китаем и Монголией. Дословный перевод топонима «Гуйгу» – «долина призраков». Это глубокая долина (фактически, ущелье), промытая сезонными потоками. Если говорить об окружающем рельефе, то это предгорья, относимые к отрогам горной системы Иньшань. К югу от Гуйгу тянется полупустынное низкорье, с севера раскинулась остепненная равнина.

Сама долина шириной 20–50 м, глубиной 2–10 м, а длиной около 2 км (с северо-востока на юго-запад). В Гуйгу встречаются редкие низкорослые карагачи (*Ulmus pumila*) и верблюжья колючка. Стены ущелья состоят из серого гранита. В местах, где склон вертикальный и ровный, в больших количествах обнаруживаются наскальные рисунки. Таким образом, в центральной и северной части долины плотность петроглифов высока, в то время как на юге Гуйгу рисунков почти нет. Стоит, впрочем, отметить, что ряд мест в долине труднодоступен из-за зыбучих песков, которые, в свою очередь, могут скрывать часть изображений.

Если говорить о классификации изображений, то по содержанию их можно разделить на сцены охоты, фигуры животных, изображения танцующих, образы духов, графические символы, антропоморфные личины. Животные чаще всего представлены горными козами и охотничьими собаками, следующие по распространенности олени, крупный рогатый скот и лошади (это вполне типичный для региона «зоологический набор» [3, с. 45]). Изображения людей и человекоподобных существ не столь многочисленны.

На петроглифах Гуйгу есть некоторое количество изображений ритуальных танцев. Стоит отметить, что участников ритуала немного, а форма исполнения весьма проста. Фигуры танцуют, размахивая руками (положение верхних конечностей варьируется от почти расставленных до почти воздетых) и ногами, в одиночку или парами. Принесение жертв также присутствует и совершается «молящимися» индивидуально. На ягодицах принимающих участие в обряде закреплены подобию хвостов (в некоторых случаях, с украшениями). Движения в рамках ритуала унифицированы. Ноги некоторых участников ритуала расставлены так, будто они присели для последующего прыжка. В левой верхней части композиции расположено огромное солнце, а в правой – крупная охотничья собака, которая стоит, выставив грудь вперед, будто несет службу. Можно сказать, что петроглиф отражает некоторое ритуальное празднование, посвященное солнцу [1, с. 15].

Как свидетельства поклонения светилам можно, вероятно, трактовать и петроглифы у входа в пещеру к востоку от деревни Шаньцзяньцунь волости Ваньхэюн (также Внутренняя Монголия), где были обнаружены две прочерченные смыкающиеся антропоморфные личины (возможно, олицетворения солнца и луны). Обе окаймлены зубчатым орнаментом, напоминающим лучи. На левом изображении треугольный «румянец» в районе щек, рот окружен все тем же зубчатым орнаментом, на лбу морщины, глаза круглые, нос намечен треугольником. Между глазами и носом прочерчены волнистые линии. Можно трактовать данную личину как «женскую». Правое изображение несколько шире, зубчатый орнамент обращен внутрь, толстые брови согнуты и связаны горизонтальной линией. Глаза глубоко посажены и окружены морщинами. Рот прямоугольный